

Пабло Стефанони¹
Pablo Stefanoni

Многоликая реакция в XXI в.: новый этап эволюции правых

The Multifaceted Reaction in the Twenty- First Century: A New Stage in the Evolution of the Right

Аннотация: Появление новых крайне правых свидетельствует об изменениях происшедших на этом фланге по сравнению с традиционными правыми 80-х или 90-х годов. Тезис этой статьи заключается в том, что мы сталкиваемся не просто с консервативной реакцией, так как эти правые оспаривают у левых использование социального нонконформизма в контексте, в котором вновь обсуждается «упадок Запада». Эта политико-культурная «магма» имеет некоторые элементы ризомы, то есть как структура без ствола, без центра, без пирамидальной или вертикальной линии подчинения (без корня или ствола) и без predetermined инструментов связи. И новые политические силы, и настроения в Интернете приобретают форму антипрогрессистской реакции нового типа, которая отличается разрывом со всем предыдущим политическим содержанием. С идеей будущего как кризиса, по крайней мере, на Западе, ретроутопии, заговор и некоторые формы негодования представляют собой в последнее время многочисленные реакции в

---

¹ **Пабло Стефанони** – доктор наук, исследователь Центра документации и исследований культуры левых, Университет Сант-Мартин, Аргентина; **Pablo Stefanoni** – Ph.D., Centro de Documentación e Investigación de la Cultura de la Izquierda (Cedinci), Universidad Nacional San Martin, Argentina; mail: pablostefanoni1@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8447-7118;

контексте возмущений различного рода. Некоторые ключевые слова (культурный марксизм, вокизм, новая инквизиция и др.) позволяют построить дискурсы, в которых левые поставлены на сторону элит и реакционного права трудящихся.

Ключевые слова: ультраправые, политкорректность, трансгрессия, декаданс Запада

Abstract: The emergence of a new type of far right movements embodies something quite different from the conventional right-wing politics of the 80s or 90s. The thesis of this article is that we are facing more than just new forms of conservative reaction; the new right-wingers challenge the left on the disputed field of social nonconformism in a context in which the image of the "decadence of the West" resonates again. This political-cultural complex functions a lot like a rhizome, that is, as a structure without a center, without lines of pyramidal or arborescent subordination, without root or trunk, and without predefined articulating joints. Both the new political forces and the circulation of meaning on the Internet are giving shape to a new kind of anti-progressive reaction, with a transgressive spirit as one of its most connoted elements. While any idea of a thinkable future is in crisis, at least in the West, retro-utopias, conspirative paranoia and certain forms of resentment tend to multiply and draw from various sources of indignation. Some key words (cultural marxism, wokeism, new inquisition, etc.) contribute to the construction of discourses in which the left is assigned to the side of the elites while the reactionary right represents the working masses.

Palabras claves: extrema derecha, corrección política, transgresión, decadencia de Occidente

Resumen: La emergencia de nuevas extremas derecha da cuenta de cambios respecto a las derechas convencionales de los años 80 o 90. La tesis de este artículo es que estamos ante algo más que simples reacciones conservadoras, estas derechas disputan con la izquierda la canalización del inconformismo social en un contexto en el que vuelve a resonar la imagen de la "decadencia de Occidente". Este "magma" político-cultural tiene algunos elementos de un rizoma, es decir, como una estructura sin centro, sin línea de subordinación piramidal o arborescente (sin raíz ni tronco) y sin articulaciones predefinidas. Tanto las nuevas fuerzas políticas como la circulación de sentidos por internet están dando forma a una reacción antiprogresista de nuevo tipo, que tiene en la transgresión uno de sus elementos más connotados. Con una idea de futuro en crisis, al menos en Occidente, las retroutopías, la

conspiranoia y ciertas formas de resentimiento tienden a multiplicarse y dan forma a diferentes formas de indignación. Algunas palabras claves (marxismo cultural, wokismo, nueva inquisición, etc.) permiten construir discursos en el que la izquierda queda colocada del lado de las elites y las derechas reaccionarias del lado del pueblo trabajador.

Palabras claves: extrema derecha, corrección política, transgresión, decadencia de Occidente

DOI: 10.32608/2305-8773-2022-35-1-106-132

Сцена 1

Апрель 2021 года. Официальная реклама ЦРУ. Главный герой – «латиноамериканский» (эквадорский) агент. Отличается использованием словаря и образов современного прогрессизма: интерсекциональная, антипатриархальная женщина цис², при чем подчеркивая свое иммигрантское происхождение³. Реакция трамповских правых не заставила себя ждать: это капитуляция одного из важнейших институтов ядра американского государства перед гегемонистским прогрессизмом. Республиканцы назвали это новое объявление о найме персонала «позорным». Прибегнув к игре слов, член палаты представителей от Аризоны Энди Биггс написал в Твиттере, что девиз ЦРУ превратился из «работы [Work] нации» в «пробуждение [Woke] нации». «ЦРУ должно сосредоточиться на сборе информации и найме лучших и самых способных. Мы не можем позволить себе рисковать нашей национальной безопасностью и тратить ресурсы, чтобы угодить раскольнической риторике левых», — сказала сенатор Марша Блэкберн из Теннесси. Его единовец из Висконсина Рон Джонсон не стеснялся в выражениях и набросился на президента Джо Байдена за «отвлечение ресурсов ЦРУ» на поддержку левых радикалов «в их проснувшейся [woke]

---

² Цис или Цисгендер относится к людям, которые идентифицируют себя с тем гендером, который был при рождении, то есть это противоположность трансгендеру или трансу.

³ Видео доступно в <https://www.youtube.com/watch?v=X55JPbAMc9g>

культурной войне»⁴

Сцена 2.

Июнь 2021. Председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Марк Милли был жестко допрошен конгрессменами-республиканцами. Они обвинили его в том, что в военной академии Вест-Пойнт преподают «Критическую расовую теорию», идеологию, которая, по их словам, как Троянский конь направлена на то, чтобы покончить с Америкой. Решительный и разумный ответ генерала был сосредоточен на том, что он как солдат хочет понять «ярость» многих белых мужчин, проявившаяся в захвате Капитолия⁵. Популярный радикальный ведущий Такер Карлсон на канале Fox назвал этого военного командира «свиньей» и «дебиллом»⁶.

Сцена 3

Август 2022 года. Федеральное бюро расследований (ФБР) провело обыск в резиденции Дональда Трампа в Мар-а-Лаго в поисках секретных документов, хранящихся у президента. Реакция республиканцев-траппистов не заставила себя долго ждать. «Это еще одна эскалация использования оружия федеральными агентствами против политических противников режима, в то время как с такими людьми, как Хантер Байден [сын президента], обращаются в шелковых перчатках», — сказал губернатор Флориды Рон ДеСантис. Атаки дошли до того, что бывший вице-президент Майк Пенс был вынужден призвать к прекращению республиканских атак на этот важнейший американский институт. «Республиканская партия – это партия правопорядка. Наша партия поддерживает мужчин и женщин, служащих на федеральном уровне и на уровне штатов, и эти атаки на ФБР должны прекратиться. Призывы лишить финансирования ФБР так же ошибочны, как и призывы

---

⁴ Keene, 2021

⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=3uIZ4C3Y0Ng&t=315s>

⁶ Vakil, 2021

[слева] лишить финансирования полицию».⁷

Три кратко описанные сцены, все из США, могут быть трактованы по-разному, но они не оставляют сомнений в том, что мы являемся свидетелями изменений на правом фланге, которые больше не могут быть просто обозначены как консервативная реакция. Как было видно по администрации Трампа, которая подложила мину под большую часть формальной и неформальной институциональности страны⁸, с захватом Капитолия как безумного выражения этих импульсов, нынешние крайне правые могут быть, вопреки мнению многих прогрессистов, дисфункциональными для «системы», и США являются своего рода лабораторией в этом смысле. Такая крайне правая критика военных, ЦРУ или ФБР кажутся странными, как и угрозы республиканцев бойкотировать крупный бизнес, который выступал против политики ограничения права голоса в некоторых штатах⁹. Правда в американских правых всегда существовали сектора, в первую очередь, ополченцы юга, враждебные государству, которое считали оккупационной силой. Но теперь речь идет уже не о маргиналах, а о новом республиканском мейнстриме. Более чем чисто консервативная реакция, и это главный тезис этой статьи, мы являемся свидетелями борьбы социального нон-конформизма XXI в. и «альтернативных» правых, которые представляют себя с трансгрессивной эстетикой в мире, в котором образы будущего все больше рифмуются с антиутопией¹⁰.

Будущее без поэзии

Для Карла Маркса революция должна была получить свою поэзию из будущего, но где это будущее сегодня? Будущее как

---

⁷Он имел в виду призыв левых лишить полицию финансирования, особенно после убийства Джорджа Флойда.

⁸ Ziblatt y Levitsky, 2018.

⁹ Ventura, 2021

¹⁰ Martorell Campos, 2021, Garcés, 2017.

основа для эмансипации, похоже, сегодня отменено¹¹. Философ Марина Гарсес говорит о «параличе воображения», который приводит к тому, что «все настоящее переживается как шаткий порядок, и что каждая идея будущего связана с прошлым». В этом контексте, утверждает она, сегодня навязываются «ретроутопии, с одной стороны, и катастрофизм, с другой». Таким образом, настоящее стало «спасательным кругом, доступным для все меньшего и меньшего количества людей», а будущее все чаще воспринимается «как угроза»¹². Дебора Дановски и Эдуардо Вивейрос де Кастро в своей «Есть ли мир грядущий? Очерки о страхах и финалах» (2019) писали об огромной дистанции, которая существует сегодня между научным знанием и политическим бессилием. «Научная» способность представить конец света намного превышает «политическую» способность представить альтернативную систему.

Социолог религии Оливье Руа сослался на происходящие реальные «антропологические изменения». С одной стороны, существуют различные движения, начиная от веганства и заканчивая глубинной экологией (*deep ecology*)¹³, через этологию, которая ставит под сомнение границу между людьми и животными, на которой основывалась вся западная антропология; а с другой стороны, идет развитие искусственного интеллекта». Вот почему он задается вопросом о месте человека: «А мы, где наше место? Поскольку эти две «крайности» основаны на формах детерминизма (биологическом или статистическом), которые полностью игнорируют смысл и ценности в пользу расширения нормативности»¹⁴. Гарсес утверждает, что современный мир является «радикально антипросвещенческим», образование,

---

¹¹ Некоторые феминистские теоретики и активисты считают, что феминизм открывает путь к другому будущему и ставят под сомнение некоторую «меланхолию левых».

¹² Carrero and Allison, 2018.

¹³ Термин, придуманный норвежцем Арне Нессом в семидесятых годах, пропагандирует радикальные формы биоцентризма.

¹⁴ Lemonnier, 2020.

знания и наука также все более дискредитируются, из чего они могут выйти только в том случае, если предложат обществу конкретные решения: трудовые, технические и экономические. «Предложение решения — это алиби знания, которое утратило способность делать нас лучше, как людей и как общество»¹⁵ Как писал в 2021 г. французский социолог Филипп Коркюфф, критика отделилась от идеи освобождения, то есть той связи, которая характеризовала модернность. Сегодня нет недостатка в критике, скорее в мире, наполненном социальными сетями, мы наблюдаем постоянную критику («избыток» негодования) политиков часто в качестве мишени, но в то же время возможность представить себе лучшее будущее уменьшилась в своих параметрах, и это разъединение действует как питательная среда для «альтернативных» правых, которые не ограничиваются институционализированными партиями, но должны рассматриваться как ризома. Как структура без центра, без пирамидальной или вертикальной подчиненности (без корня или ствола) и без predeterminedенных связующих частей, именно её очень полезно проанализировать в типе явлений, с которыми мы сталкиваемся¹⁶. Как и ризома Делезиана, неореакционная туманность не нуждается в единстве для формирования системы и характеризуется прежде всего принципом связи и неоднородности, который подразумевает, что любая точка может быть соединена с другой, но также и то, что ее структура может сломаться в любой точке¹⁷.

Сегодняшние радикальные правые связаны с нонконформизмом, часто окрашенным ресентиментом и теорией заговора, но который по целому ряду причин левые все меньше и меньше способны возглавлять. Если в 2010 г. Стефан Хесселл написал «Indignez-vous» [Возмутитесь], своего рода манифест, переведенный на несколько языков, который стремился объяснить прогрессистские мобилизации, ставивших

---

¹⁵ Garcés, 2017. P. 8.

¹⁶ Stefanoni, Saint-Upéry, 2022.

¹⁷ Deleuze y Guattari, 1994.

под сомнение капиталистическую глобализацию¹⁸, то чуть более десяти лет спустя возмущение стало спорной территорией, на которой правые регулярно завоевывают улицу, занимают трансгрессивную идентичность, рассматривающую прогрессизм частью элитарного, консервативного пространства в их идейно-общественной картографии. Если мобилизации французских «желтых жилетов» выражали эти амбивалентности (часть прогрессизма не доверяла им, несмотря на то что они воплощали массовое народное движение последних лет), то протесты в контексте пандемии и поражения Трампа на выборах, на фоне его разоблачений о якобы «монументальных фальсификациях», подтвердили, что улицы снова стали спорной территорией.

Виды штурма Капитолия в Вашингтоне 6 января 2021 г. ордой тысяч повстанцев, бросивших вызов результатам президентских выборов, разошлись по всему миру. Шокирующий эффект, который они произвели, лавина интерпретаций, которые они породили, политические и судебные последствия, которые все еще завершились, безусловно, оставили свой след на общественном мнении в США и за их пределами. На самом деле, по крайней мере, два события с некоторым существенным сходством произошли в двух западноевропейских столицах несколькими месяцами ранее и несколькими месяцами после. 29 августа 2020 г. в Берлине прошла демонстрация против требования носить маски и других ограничительных мер, принятых в рамках борьбы с пандемией. Марш собрал разнообразную толпу активистов, выступающих против вакцин, хиппи, критикующих традиционную медицину, сторонников различных нетрадиционных медицинских методов и защитников гражданских свобод. На своих баннерах одни призывали к отставке федерального правительства, другие к прекращению «коронавирусной диктатуры». В конце дня несколько сотен демонстрантов прорвались через барьеры безопасности и полицейский контрольно-пропускной пункт в Бундестаг. Во время ожесточенной схватки слышались правые

---

¹⁸ Hessel, 2011.

лозунги, появились флаги рейха (черный, белый и красный), знамена с Q of QAnon (известная конспиративная платформа) и неонацистская символика, что вызвало волну негодования у немецкой демократической общественности. Несколько месяцев спустя, в октябре 2021 г., когда около 10 000 человек прошли маршем по центру Рима в знак протеста против сертификатов о вакцинации, почти половина протестующих попыталась штурмовать Палаццо Киджи, резиденцию правительства. После ожесточенных столкновений с полицией некоторые из них отступили в штаб-квартиру главного итальянского профсоюза CGIL, которая была разграблена нападавшими. Штурмовые отряды крайне правой партии Forza Nuova сыграли ключевую роль в этом эпизоде, но симптоматичной была их способность слиться с более широким движением, объединившись в общих антиинституциональных и «антисистемных» настроениях с необычными целями и путанными идеологическими посланиями, порой смешанными с конспирологическими коннотациями, которые также отчетливо проявились при событиях вокруг Бундестага и Капитолия.

Эмоции протеста и радость противостояния «системе», особенно касте политиков, сегодня присущи правым, особенно их радикальным реакционным течениям. Конечно, только что упомянутые «повстанческие» события характеризовались и странным фольклором (кто может забыть увековеченный образ рогатого шамана Капитолия?), и смесью стратегической некомпетентности, и ошибочного поведения, что, конечно, может успокоить нас по поводу возможностей крайне правых прийти к власти посредством прямого действия. В конце концов, как сказал по телевидению бывший советник по национальной безопасности Джон Болтон, в отношении этого события и исходя из своего предыдущего опыта организатора переворотов «в других странах», для государственного переворота требуется опыт и кропотливая подготовка, чего не хватало трампистским бунтарям¹⁹.

Новые правые (понимая, что термин «новый» обычно

---

¹⁹ См.: https://www.youtube.com/watch?v=gLBE0ZH3T_E

проблематичен) построили за эти годы простую и в то же время мощную идею силы, которая работает как рамочная структура дискурса: прогрессистская элита контролирует мир (правительства, международные институты, университеты и даже крупные компании), и как власть она делает жизнь обычных людей невыносимой – новая диктатура «политкорректности» не позволяет таким людям высказывать свое мнение (за все, что они хотят сказать, их обвиняют в расизме, женоненавистничестве, гомофобии и т.д.) или есть то, что они хотят (потребление мяса или сладких напитков осуждается/запрещается). Им не дают жить свободно – велосипеды в приоритете, а автомобили вне закона, иммигранты вторгаются в их районы, в то время как феминизм обрекает белых мужчин «отказаться от своих привилегии» и прочее. И исходя из этого, радикальные правые стремятся перевести социально-экономические вопросы на язык и смысл культурных войн. Так обстоит дело с Vox в Испании, National Regroupment во Франции, Fratelli d'Italia или Жаир Болсонаро в Бразилии, говорящих в разнообразных формах о причинах «упадка Запада».

В США «системой» стали называть вокизмом (пробуждение), термин, который циркулирует в части западного мира и содержит в себе ключ к прочтению нынешних правых: их способность переводить любую проблему, даже социально-экономическую, на язык культурных войн²⁰. В этом, на мой

---

²⁰Примерно с 2020 г. термин «политкорректность» во многом был заменен идеей «пробуждения». Слова «woke» и «wokeness» («проснулся» и «пробуждение») изначально происходят из афроамериканского политического жаргона, в котором они отчасти эквивалентны терминам «сознание» и «осознание» на языке левых. Его политическое и уничижительное использование против левых и прогрессистских социальных движений распространилось как лесной пожар в Соединенных Штатах примерно с 2020 г., а затем было импортировано в такие страны, как Франция правыми СМИ в конце 2021 г. В некотором смысле борьба с так называемым «вокизмом» является формой борьбы против «политкорректности». – Mahoudeau, 2022.

взгляд, заключается суть нынешних «правых восстаний», более эффективных в борьбе за здравый смысл, чем в завоевании власти или в способности управлять, если они придут к власти. И в этом выражении нонконформизма сегодня (сравнимо с пропагандой семьи в 20-30-е гг., когда фашизм оспаривал с левыми альтернативный тип революции и видение будущего²¹, кажется, и состоит дискомфорт левых в новой политической конъюнктуре. Сегодня крайне правые не обладают интеллектуальной тонкостью или продуманными проектами как у итальянского фашизма 1920-х гг., но нынешние опасения прогрессизма заключаются в том, что реакционные силы осваивают их «антисистемные» дискурсы. Очевидно, что это требует определиться с тем, что такое «система» (и по-новому определить, кто сейчас угнетатели и угнетенные)²², и надо определить способность создавать ключевые слова для анализа настоящего: новый антикоммунизм или анти-«культурный марксизм», антивокизм, политическая анти-политкорректность (против «новой инквизиции») – они строят сеть смыслов, которые поддерживают нынешний антипрогрессизм.

Диктатура “woke”

Журналист и обозреватель Дэвид Брукс писал, что на национально-консервативном саммите в ноябре 2021 г. в Орландо сенатор Марко Рубио заявил, среди прочего, что большой бизнес «больше не является нашим союзником», а сенатор Тед Круз добавил, что «фаланга большого бизнеса ушла влево»²³. То есть wokism колонизирует политику и экономику. Если правые выиграли Холодную войну против советского блока, то, похоже, проиграли, с их точки зрения,

---

²¹ Sternhell, Sznajder, Asheri, 2006.

²² Например, российско-американский философ Айн Рэнд утверждала, что в Соединенных Штатах настоящими угнетенными являются предприниматели (Rand, 2009), а с разных крайне правых позиций привилегированными могут быть нелегальные иммигранты (или одинокие несовершеннолетние) или получатели социальной помощи.

²³ Brooks, 2021.

культурную войну прогрессизму. И, без сомнения, этот взгляд оказал влияние на конфигурацию новых радикальных правых.

Для некоторых либерально-консервативных аналитиков мы стоим перед концом эпохи, в которой такие фигуры, как Дональд Трамп или Виктор Орбан, колонизировали, привлекли на свою сторону старых универсалистских правых, которые оптимистично смотрели на возможности будущего, сочетающего в себе либеральную демократию и рыночную экономику. Эти правые, которые без колебаний использовали имперское оружие для продвижения к «концу истории», взяв за выражение, дающее название книге Фрэнсиса Фукуямы, больше цитируемой, чем прочитанной, похоже, вступили в глубокий кризис. Журналистка и писательница Энн Эпплбаум, автор книг о Советском Союзе и Восточной Европе при коммунизме, так отозвалась о другой национально-консервативной конференции, собравшейся в Риме в 2020 г. под помпезным лозунгом «Бог, честь, страна: Рональд Рейган, Папа Иоанн Павел II и свобода наций»: «В бальном зале итальянского отеля при впечатляющей роскоши – с красными бархатными стульями, яркими хрустальными люстрами и витражным потолком – консервативное движение, которое когда-то вдохновляло людей по всей Европе, строило мосты через Железный занавес и помогло выиграть Холодную войну, наконец, подошло к своему концу». В этих словах есть тоска по США, которые стремились быть гарантом и защитником согласованного многостороннего порядка, имперского господства «договорного» и «интернационалистского» типа. Во многих отношениях, как писал Павел Барша, США задумывались не как «конкретное территориальное государство, проецирующее свою власть за пределы своих границ (как «великая держава»), а как церковь, распространяющая свое вселенское вероучение»²⁴. Рейган смог сказать, что «существовал некий божественный план, который поместил этот великий континент между двумя океанами, к которому стремились бы те, кто живет любовью к свободе и

---

²⁴ Barša, 2022

обладает особым мужеством». Трампу не хватало этой поэзии. Дискуссия о том, в какой степени встреча в Риме завуалировала наследие таких фигур, как Рейган и Тэтчер, выходит за рамки этой статьи, но правда в том, что эти правые, которые чувствовали себя победителями в холодной войне и, как и левые, получили свою поэзию будущего, эта дискуссия сильно изменилась. Нынешние альтернативные правые, как мы уже упоминали, считают, что их задача состоит в том, чтобы противостоять прогрессистской гегемонии, и что неудача левых в строительстве социализма (которая привела к краху советского блока) была повернута в область культуры. Не случайно, что венгерский лидер Виктор Орбан говорит о необходимости «культурной контрреволюции» в Европе. Старый оптимизм неоконцов был в значительной степени заменен ретроутопиями, такими как превращение Америки в великую или возвращение в какой-то золотой век в Испании.

В статье, опубликованной в *Revue du siècle*, журналистка Лаура Раим вспоминает контуры старого консерватизма, который на протяжении десятилетий контролировал Республиканскую партию США, так называемую Великую старую партию. Одним из её столпов был *National Review*, появившийся в 1955 г. в разгар Холодной войны. «*National Review*, — пишет Раим, — был матрицей для создания современного консерватизма, который объединил экономический либерализм, мобилизованный с 1930-х г. в борьбе против Нового курса Рузвельта, с традиционализмом моральных ценностей и антикоммунизмом». В идеализированной истории консерватизма этот журнал смог бы «изгнать реакционеров, заговорщиков и антисемитов, которые группировались на правом фланге». Этому консервативному движению удалось захватить Республиканскую партию в 1964 г.²⁵ В 2016 г. оно её потеряло. Многие считают, что Трамп «украл» у них партию, продемонстрировав удивительную силу после своего поражения на выборах 2020 г. Действительно, приход трампизма к власти опирался на субстрат разнообразного мира

---

²⁵ Raim, 2017.

альтернативных правых (alt-right), состоящих из белых националистов, палеолибертарианцев и неореакционеров. С триумфом Трампа альтернативные правые получили свое признание. Многие голосовали за лозунг «Сделаем Америку снова великой», в то время как другие, казалось, перевели его в своем подсознании в «Сделаем Америку снова белой». Белый национализм вернулся на сцену, с которой он никогда по-настоящему не уходил, но укрепившийся, более «респектабельный». Как писала Роза Грей, триумф Трампа придал новую энергию правым, которые ставят под сомнение и активно пытаются демонтировать существующие ортодоксы, в том числе такие фундаментальные, как демократия²⁶.

«Призрак бродит по обедам общества, по электоральным мероприятиям и в think tanks истеблишмента, это призрак альтернативных правых», движимый «молодыми креативщиками, стремящиеся обратиться ко всякой ереси», – пишут Майло Яннопулос и Аллум Бохари в свое рода манифесте, повторяя знаменитую фразу, с которой Маркс и Энгельс объявили о появлении коммунизма в европейской политике. Авторы — один гей и «полуеврей», а другой пакистанского происхождения трубят об «открытом вызове всем установленным табу» и описывают альтернативных правых, которых называют «зависимыми от провокаций». Для этого у них под рукой троллинг как орудие культурной герильи и мемы как политический инструмент. Они позиционируют себя как защитников от «отбросов общества», хотя в то же время подчеркивают, что новые правые, в отличие от неофашистов скинхедов прошлых лет, состоит из «опасно ярких» молодых людей. Яннопулос, харизматичный и часто скандальный инфлюенсер, в котором отразилась некоторая культура camp, работал в Breitbart News, стал звездой среди альтернативных правых, но затем впал в немилость из-за своих иронических высказываний о педофилии. Этот британец определил Трампа как единственного по-настоящему культурного кандидата, который был у США в последние десятилетия, когда именно

---

²⁶ Gray, 2017.

Пэт Бьюкенен соответствовал этой роли. Но Бьюкенен проиграл, а Трамп победил. Эти альтернативные правые, по словам Яннопулоса и Бохари, являются «эклектичной мешаниной ренегатов, у которых, так или иначе, был свой счет к существующему политическому консенсусу». В этом смысле можно думать об альтернативных правых как о консерваторах, которым больше нечего охранять. В 2016 г. Хиллари Клинтон обнародовала этот термин, в предвыборной речи она сказала, что Трамп представляет не «республиканизм, каким мы его знаем», а «зарождающуюся расистскую идеологию, известную как альтернативные правые».

Анти-политкорректность

Одной из дискурсивных осей нынешних радикальных правых является существование новой инквизиции. Появление Греты Тунберг в качестве героини борьбы с глобальным потеплением, «охота на ведьм» Ме Тоо, движения, которое родилось для осуждения сексуальных домогательств и злоупотреблений в голливудском сообществе, но затем распространилось на остальной мир, уроки полового воспитания в школах, спасатели мигрантов в Средиземноморье, вездесущность старого финансиста Джорджа Сороса как великого злодея, стоящего за всеми прогрессивными делами, движения за легализацию аборт, инклюзивный язык, нормы позитивной дискриминации, воинственность веганов или анималистов – все это представлялось результатом новой прогрессистской гегемонии, которая, как правые разоблачают, была навязана западному миру, и которая отчасти объясняет кризис Запада. Таким образом, стороны меняются местами: правые называют «вещи такими, какие они есть», говорят от имени простых людей, в то время как левые, окультуренные, стали выражением истеблишмента и статус-кво. Правые ведут к революции, а левые охраняют действующие привилегии. Правые придут, чтобы выбросить политкорректность, бороться с «полицией мысли», а левые будут защищать господство неолингвы с запрещенными словами, чтобы предотвратить

проявлениям правды.

Политкорректность – это корсет, который ограничивает то, что люди могут думать, говорить и делать. Это – новая ортодоксальность, навязанная через идеологические надстройки как в национальном, так и в глобальном масштабе. Это – новая форма конформизма; «духовная среда нашего времени»²⁷. Образ новой инквизиции повторяется в различных заявлениях новых правых, которые таким образом постулируются как форма нонконформизма против устоявшегося в мире, якобы погруженном в путину обманчивых эвфемизмов. Тезис, пишет испанский писатель Рикардо Дудда в своей книге «Правда племени. Политкорректность и ее враги», «состоит в том, что они отняли у людей возможность жаловаться, называя критику расистской, женоненавистнической и гомофобной». «В современных культурных войнах новые левые политкорректны и консервативны, потому что стремятся сохранить достигнутое благополучие [...] Новые правые, со своей стороны, политически некорректны, разрушительны и неортодоксальны». Таким образом, «сегодня правые – панки, а левые – пуритане»²⁸.

Правые популисты, продолжает Дудда, строят большую ложь из маленьких правдивых сюжетов. Истина, утверждает автор, заключается в том, что политкорректность «является реальным и сложным явлением, как лингвистическим, так и моральным, которое больше связано с культурными и демографическими изменениями, массовой психологией, дебатами и свободой выражения мнений в открытых и разнообразных обществах, чем с великим заговором или с тотальной теорией, которая объясняет современное постмодернистское и релятивистское общество, так и возникшим из критики политкорректности». По сути, это «попытка исправить неравенство и несправедливость с помощью символов, культуры и более уважительного и

---

²⁷ Ballester, 2012.

²⁸ Dudda, 2019. P. 13, 19.

инклюзивного языка»²⁹. Все это действует в контексте, в котором «субъект»-левые вытисняются из большинства, из сферы рабочего класса, к меньшинствам и к «слабым» (рабочий класс также можно было рассматривать как «слабый» перед лицом капитала, но эта слабость компенсировалась его незаменимой ролью в производственном процессе).

Этот момент является центральным: историк Энцо Траверсо показал, как рост интереса к теме «памяти» в последние годы, оказавший влияние на академический и политический мир, шел рука об руку с другим явлением – созданием конструкта угнетенных как простых жертв колониализма, рабства, нацизма... Таким образом, «память о жертвах» заменила «память о борьбе» и изменила то, как мы воспринимаем социальных субъектов, которые теперь выглядят как пассивные, невинные жертвы, которые заслуживают того, чтобы их помнили, но в то же время отделяли от их политических целей и их субъектности. Как отмечает Траверсо: «XX век не состоит исключительно из войн, геноцида и тоталитаризма. Это был также век революций, деколонизации, завоевания демократии и великой коллективной борьбы»³⁰. Афроамериканский марксистский ученый Адольф Л. Рид-младший, который преподает и пишет о политических и расовых проблемах, совершил провокацию, заявив, что прогрессисты больше не верят в политику правды, а предпочитают быть «свидетелями страданий»³¹. Со своей стороны, британец Марк Фишер, автор книги «Капиталистический реализм», написал в 2013 г. мрачную статью под названием «Покидая замок вампира», в которой он критикует «превращение страданий определенных групп, причем чем более «маргинальных», тем лучше, в академический капитал»³².

---

²⁹ Ibid., P. 15.

³⁰ Traverso, 2019.

³¹ Nagle, 2018. P. 96.

³² Fisher, 2019. Необходимо посмотреть, насколько этому способствует умножение дисциплин, которые в американских кампусах преподаются помещены под общим названием культурных

Мы не должны упускать из виду тот факт, что мы также являемся свидетелями появления конкретных требований и плюрализации эмансипационных дискурсов без тотализации прошлого. Борьба за расовую справедливость в США, подстёгнутая делом Джорджа Флойда и даже битва за память, воплощенная в иконоборчестве против статуй персонажей, связанных с рабством и расизмом, являются выражением этого. Но потребность в новых универсализирующих инструментах чувствуется с особой срочностью.

Нет сомнений в том, что политкорректность одинаково относилась к левым и правым, как и критика в ее адрес идет от тех и других (есть еще политкорректные правые и неправильные левые; Жижек является хорошим представителем последнего). Левые традиционно критиковали политкорректность, а феминизм появился, чтобы поставить её под сомнение, не говоря уже о более разрушительных течениях, таких как лесбийский феминизм, как остальные идентичности ЛГБТИ+. Но левые перестали осуждать «политкорректность», а правые стали это делать, положив ее в один мешок с «гендерной идеологией», «культурным марксизмом», «постмодернизмом» и т.д. Сегодня «полит-некорректность» часто связана с альтернативными правыми, которые бросают вызов здравому смыслу других реакционных направлений и используют полит-некорректность, защищая расизм, сексизм, политическую и культурную нетерпимость.

исследований (женские исследования, квир-исследования, исследования инвалидности, постколониальные исследования, афроамериканские исследования, исследования чикано, Fat Studies). и т.д. [Культурология, женские исследования, квир-исследования, исследования инвалидности, постколониальные исследования, афроамериканские исследования, исследования чикано, исследования упитанности], и в какой степени поощряется динамика, в которой сама бюрократическо-академическая власть заинтересована в умножении микроидентификаций как способа расширения собственного пространств влияния. Как сказала мне Лаура Фернандес Кордеро, некоторые формы «академического экстрактивизма» ставятся под сомнение активизмом.

Как пишет Дудда, «политкорректность» стала идеологизированным и манипулируемым понятием, своего рода «чучелом» или все вмещающим термином, который включает в себя бесчисленные фобии. Правые используют этот термин, чтобы вместить в него все, что им не нравится у левых, часто слева строится свой уникальный профиль критиков политкорректности: гетеросексуальные белые мужчины, не уверенные в изменениях в окружающем их мире. В то же время эволюция политической некорректности связана с ограничениями универсальных нарративов, чтобы сделать видимыми асимметрии власти и несправедливости по отношению к неравенству пола, расы и альтернативных сексуальных склонностей. Но любой анализ политкорректности должен принимать более конкретные эволюции, такие как конструкт «культуры кампуса» в США, которая породила определенные прогрессистские «островки» в период доминирования правых³³. В 1980-х гг. параллельно с подъемом консервативной революции Рональда Рейгана, левые отступили в университеты, кампусы которых представляют собой плотные и изолированные пространства социализации, но которые часто представляют собой идеологический микроклимат, который может быть столь же «безопасным», как и удушающим и оторванным от более широких политических и социальных реалий.

В последние годы Грег Лукьянов и Джонатан Хайдт отмечают, что существует движение с нечеткими границами, целью которого является очистка американских университетов от слов, идей и тем, которые могут вызвать дискомфорт или оскорбить. Иногда эти попытки избежать правонарушений могут привести к гиперчувствительности. Авторы говорят о психологизации конфликтов в университетах, особенно в прогрессистских, превращенных в «безопасные зоны», которые

---

³³ Не следует забывать о некоторых протестантских субстратах американской политической культуры и формах “born again”, которые объясняют некоторые катарсис-терапевтические формы, защищающие социальную борьбу и битвы за память.

защищали бы студентов от психологического ущерба, причиняемого различными формами словесных оскорблений³⁴. Это предполагает чрезвычайную хрупкость в психике студентов, и в этих случаях политкорректность может легко противоречить свободе выражения мнений. Лукьянов и Хайдт видят различия между политкорректностью восьмидесятых и нынешним: «Это движение стремилось ограничить высказывания (в частности, разжигание ненависти, направленные на маргинальные группы), но оно также бросило вызов литературному, философскому и историческому канону и стремилось расширить его, включив в него разнообразные перспективы. Нынешнее движение в значительной степени сосредоточено на эмоциональном благополучии». В то же время не менее верно и то, что гендерная и расовая иерархии в истории не являются фантазией, изобретением политкорректности, и что колонизация привела к формам внутреннего колониализма против различных небелых групп населения. Мы также знаем, что язык был одним из векторов, которые во многих случаях углубляли асимметрию власти и различные формы угнетения. В конце концов, постмодернисты также вышли из апорий модернистов. В любом случае, как замечает Дудда, риск состоит в том, чтобы забыть об освободительном потенциале свободы выражения мнений во имя эмоционального благополучия меньшинств и потребовать введения различных форм цензуры во имя спокойствия и консенсуса большинства (реального или воображаемого). Что, если завтра консенсус большинства будет другим?

Цифровая контрреволюция?

Негативная реакция на «политкорректность» и связанная с ней культурная война делают Интернет особой боевой территорией. В своей книге «Смерть нормистам» писательница Анджела Нэгл говорит о «цифровой контрреволюции без лидера», с долей иронии вспоминая утопии начала 2000-х гг.,

---

³⁴ Lukianoff y Haidt, 2015.

когда Интернет был задуман как пространство для «цифровой революции без лидера». В то время киберутопии, хакерские и пиратские традиции, а также идея киберпространства как автономной зоны ассоциировались с либертарианскими левыми, которые, похоже, были низвергнуты оттуда с подъемом в сети крайне правого либертарианства. «Именно культура, основанная на образе и юморе фабрики непочтительных мемов в 4chan, а затем в 8chan, дала альтернативным правым юношескую энергию с их трансгрессией и хакерской тактикой»³⁵. 4chan синтезирует многое из того, как интернет-форумы, которые изначально не были связаны с политикой, постепенно захватывались «трансгрессивными» крайне правыми, чьи границы между ироничным и буквальным иногда полностью были стерты. 4chan, основанная Крисом Пулом, известная как *moot*, была основана в 2003 г. Это началось с японских пользователей аниме, но за короткое время оно стало субкультурой, субмиром, где самопровозглашенные «бета-самцы» создавали собственную идентичность как «неудачники».

Маркос Регера отмечает, что часть этих процессов радикализации хронологически совпала с феноменом Оссиру Wall Street в США, 15-M в Испании и Арабской весны, а также то, что в этих явлениях люди собирались (виртуально), чтобы критиковать истеблишмент и рассуждать о новой политике. Однако он указывает на принципиальную черту: «В отличие от городских площадей, там сообщество не стремилось видеть лица, а все происходит между аватарами, мотами и вымышленными именами». И далее: «Эта логика безнаказанности перед лицом социального осуждения была очень важным элементом в процессе радикализации движения. Общение через аватар обеспечивает распознавание последователей, которые могут возникнуть, и позволяет избежать прямой атаки на реального человека»³⁶.

Это был сам основатель, кто описал 4chan как «фабрику

---

³⁵ Nagle, 2018. P. 25.

³⁶ Reguera, 2017.

мемов». Но, как указывает Нэгл, культура анонимности способствовала созданию среды, способствующей социализации самых темных мыслей и насильственных форм киберзапугивания. Странная порнография, фриковский сленг, ужасные картинки, шутки для особых ценителей, суицидальные или убийственные фантазии, расизм, женоненавистничество и прочее населяют преимущественно мужское форумы³⁷. По словам Пирса А. Дигнам и Дины А. Ролинджер, социологов из Университета штата Флорида, до 2016 г. «пользователи и лидеры форумов отвергали политические действия, потому что они ассоциировали их с движениями мэйнстрима. Это изменилось за несколько месяцев до выборов. Элитные лидеры и пользователи форумов объявили кандидатуру Дональда Трампа шансом отбросить феминизм и получить «настоящего мужчину» в Белом доме.

В качестве реакции на достижения феминизма был разработан антифеминистский маскулинизм, который часто питает онлайн-правых, мир, который был окрещен как «андросфера». Очевидно, что такие движения, как MeToo, подпитывали язвительность, и снова мы сталкиваемся с игрой в сумасшедшие зеркала: отказ от ситуаций, которые можно рассматривать как несправедливые с точки зрения надлежащей процедуры или права не подвергаться линчеванию, приводит к часто темным потокам женоненавистничества. Многие из тех, кто участвует в этих лабиринтах блогов, социальных сетей и форумов, являются инцелами – incel (недобровольными безбрачными). Инцелы создали в этих виртуальных пространствах своего рода сообщество злобных жертв, союз солидарности сексуальных недовольных бредовым кодексом чести, которые одновременно в ярости от своего состояния и гордятся своей антифеминистской и антиженской воинственностью³⁸. Некоторые из них идентифицируют себя как MGTOW (Men Going Their Own Way), считающиеся движением мужского превосходства.

---

³⁷ Nagle, 2018. P. 26.

³⁸ Yehya, 2018.

«Существует своего рода ненависть или разочарование в мире, которые проявляются различными способами в 4chan», — пишет Руокко³⁹. Это, по-видимому, связано с пользовательской базой форума. Хотя это ещё требует социологического изучения, подавляющее большинство идентифицирует себя как NEET ((Not in employment, Education or Training – без работы, без образования или без профессиональной подготовки), безработные мужчины или с низкокачественной работой, которые живут в домах своих родителей, с низким уровнем образования и почти без контактов с женщинами. Руокко предупреждает, что все участники форумов действительно являются NEET, но ярлык выполняет функцию – все они считают себя «неудачниками», маргиналами, живущими вне общества.

Часть деятельности «полит-некорректных» пользователей сети во время кампании Трампа в 2016 г. заключалась в том, чтобы превратить безобидный мем «Лягушка Пепе» в нашествие лягушек, столь же забавных, сколь и жестоких, против кампании Хиллари Клинтон. Руокко вспоминает, что в течение многих лет грустная лягушка, созданная Мэттом Фьюри, была символом и гордостью 4chan. Но это стало мейнстримом и попало в руки нормистов (normies), как называют на жаргоне чанер (от слова chan) тех, кого усыпила система, не входящих в форумы и его антисоциальные практики. Именно там 4chan решил восстановить его и поставить Пепе в самые экстремальные и «политически некорректные» ситуации, такие как изнасилование женщин, ношение усов, как у Гитлера, или сжигание черных с капюшоном Ку-клукс-клана⁴⁰. Если бы им удалось отпугнуть нормистов, Пепе снова был бы эксклюзивом для 4chan и талисманом крайне правых. И им это удалось. Пепе стал анафемой для прогрессизма, а его создатель запустил кампанию «Спаси Пепе» для борьбы с его использованием на экстремистских сайтах. Даже Клинтон вышла, чтобы

---

³⁹ Ruocco, 2020.

⁴⁰ Ruocco, 2019.

противостоять ей, что, в конечном итоге, поставило её в нелепое положение: возможный будущий президент США сражался с лягушкой-мемом. Каждое упоминание о Пепе в кампании или в большой прессе становилось победой форума. Трамп, наоборот, ретвитнул мем, в котором он выглядел как Пепе, выступающий перед микрофоном.

Столкнувшись с любым «излишеством» на форуме, ответ обычно заключается в том, что это «ирония», но, как указывает Руокко, после победы Трампа иронические речи мутировали в нечто другое. Он приводит два примера: вышеупомянутую демонстрацию в Шарлоттвилле и дело Brentona Tarranta, террориста, убившего 50 человек при нападении на две мечети в Новой Зеландии. Тарронт оставил манифест на 8chan (сайт, вышедший из 4chan и более жестокий), транслировал свои убийства в Facebook и утверждал, что «мемы сделали для этнонационалистического движения больше, чем все манифесты». Действительно, мемы являются одним из ключей к этой истории. Насилие может выйти из Интернета...

Понятно, что отсутствие табу, моральных ограничений или ограничений на «иронию» дает огромное преимущество альтернативным правым над левыми в этом поле борьбы. Расизм, сексизм и провокация в ответ на провокации могут быть очень веселыми. Чанеры (от слова chan) и другие племена Интернета пользуются этим. Мы также знаем, что прогрессизм может быть очень скучным, и они также пользуются этим. Рокко делает еще один поворот и указывает, что даже атаки белых террористов, которые присоединяются к этой идеологии, работают как мем. Кровавый мем.

Выход

Различные явления в «туманности» правых XXI в. относятся к Западу – именно здесь идея декаданса в очередной раз окрасила политику и культуру⁴¹. Укрепившись в США и Европе дискурсивность крайне правых также достигла Латинской

---

⁴¹ Douthat, 2021.

Америки. Феномен Болсонару особенно подпитывался описанными культурными войнами, а его кандидатура и президентство были отмечены «полит-некорректными» антипрогрессивными клише. Хотя в области политических партий крайне правые нашли пределы для своего расширения, голоса Хосе Антонио Каста в Чили или Хавьера Милея в Аргентине⁴² показали связи между регионом Латинской Америки и глобальным Севером. В социальных сетях эти связи еще более очевидны, и часто не связанные с ними интеллектуалы распространяют их тезисы. Однако отсутствие феномена ислама, миграции с Ближнего Востока и Северной Африки ограничивает конституцию дискурсов о «Великой подмене»⁴³, и, по словам журналиста и переводчика Марка Сен-Уперы, «цивилизаторская паранойя»⁴⁴ характерна для европейских и американских крайне правых. Но именно ризомный характер «туманности» нынешней неореакции позволяет точкам соединения быть множественными, и дискурсы крайне правых деятелей Севера резонируют на Юге и порождают любопытные формы восприятия и переформулирования этих идей. Антипрогрессизм сегодня является «клеем» различных правых дискурсов, которые сильно отличаются в своем отношении к множеству политико-идеологических вопросов, но которые имеют общее – неприятие прогрессизма.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Ballester M.* Lo políticamente correcto o el acoso a la libertad // Cuadernos de pensamiento político FAES, n° 34. 2012.
- Barša P.* Europa del Este: los sueños extraviados de los liberales del 89 // Nueva Sociedad, N° 298, marzo-abril. 2022.
- Carrero I., Moncloa Allison G.* Entrevista a Marina Garcés // Forma: revista d'estudis comparatius. Art, literatura, pensament,

---

⁴² Stefanoni, 2022a, 2022b.

⁴³ Stefanoni, 2021.

⁴⁴ Ibidem.

- n° 17. 2018
- Deleuze G., Guattari F.* Mil mesetas: Capitalismo y esquizofrenia, Valencia: Pre-textos, 1994.
- Dignam P., Rohlinger D.* Misogynistic Men Online: How the Red Pill Helped Elect Trump // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 44, n° 3, primavera, 589-612, 2019.
- Douthat R.* La sociedad decadente: Cómo nos hemos convertido en víctimas de nuestro propio éxito, Barcelona: Ariel, 2021.
- Dudda R.* La verdad de la tribu. La corrección política y sus enemigos, Barcelona: Debate, 2019.
- Fisher M.* Salir del castillo del vampiro // *Sin Permiso*, 6 de julio, 2019.
- Garcés M.* Nueva ilustración radical, Barcelona: Anagrama, 2017.
- Gray R.* Behind the Internet's Anti-Democracy Movement // *The Atlantic*, 10 de febrero, 2017.
- Hessel S.* ¡Indignaos!: Un alegato contra la indiferencia y a favor de la insurrección pacífica, Madrid: Destino, 2011.
- Keene H.* Republicans torch new CIA recruitment ad as an 'embarrassment' // *Fox News*, 4 de mayo, 2021.
- Lemonnier M.* "¿Europa sigue siendo cristiana", entrevista a Olivier Roy // *Nueva Sociedad* N°, 285, enero-febrero, 2020.
- Mahoudeau A.* La panique woke. Anatomie d'une offensive réactionnaire, Paris: Textuel, 2022
- Martorell Campos F.* Contra la distopía. La cara B de un género de masas, Valencia: La Caja Books, 2021.
- Nagle A.* Muerte a los normies. Las guerras culturales en internet que han dado lugar al ascenso de Trump y la alt-right, Tarragona: OrcinyPress, 2018.
- Reguera M.* Alt Right: radiografía de la extrema derecha del futuro // *CTXT*, 22 de febrero, 2017.
- Ruocco J.* Cómo la extrema derecha se apoderó de 4chan // *Nueva Sociedad*, N° 286, marzo-abril, 2020.
- Stefanoni P.* ¿La rebeldía se volvió de derechas? Madrid: Clave Intelectual-Siglo XXI, 2021
- Stefanoni P.* Radicales y moderados: las tensiones de la derecha latinoamericana // *El País*, 21 de agosto, 2022a.
- Stefanoni P.* Argentina y su extrema derecha rockera // *El País*, 8 de

mayo, 2022b.

Stefanoni P., *SAINT-UPÉRY* Prólogo // La rebellion est-elle passée a droite? / Stefanoni, P., París: La Découverte, 2022.

Sternhell Z., *Sznajder M.*, *Asheri M.* El nacimiento de la ideología fascista, Madrid: Siglo Veintiuno editores, 2006.

Traverso E. ¿Memoria de las víctimas o memoria de las luchas? // Nueva Sociedad, ed. web, enero, 2019.

Vakil G. Tucker Carlson calls Joint Chiefs chairman a ‘pig,’ ‘stupid’ // The Hill, 25 de junio, 2021.

Ventura V. Los republicanos alientan un boicot contra grandes empresas de EEUU y la Liga de Béisbol por criticar sus proyectos legislativos // El Economista, 6 de abril, 2021.

Yehya N. Incels: Virginidad, frustración y venganza // Letras Libres, 1 de septiembre, 2018.

Ziblatt D., *Levitsky S.* Cómo mueren las democracias, México: Ariel, 2018.